

самому ѣхать не захочется, — улыбнулся Корневъ горько. — Дыхляевъ, тотъ и не читаетъ теперь ничего; а тоже бывший студентъ.

Онъ выпилъ еще.

— Но что всего страшнѣй, такъ это то, что учительская дѣятельность меня не удовлетворяетъ. Пищи для ума и сердца нѣтъ. Зады, одни зады, которые я еще въ первыхъ классахъ гимназiи проходилъ и за которые меня больно били...

И долго еще продолжалъ говорить Корневъ, выпивая рюмку за рюмкой. Кузьма Мосейчъ сочувственно поглядывалъ на него.

«Пусть его душу отведетъ», — думалъ онъ.

Поздно ночью надумалъ Корневъ идти домой.

— Однако, я совсѣмъ пьянъ, — замѣтилъ онъ, смѣясь: — и отлично чувствую себя. — «Да здравствуетъ веселье! да здравствуетъ вино!» — затынулъ онъ, хохоча.

Сашенька отперла ему дверь. Она не раздѣвалась всю ночь, дожидаясь Корнева, и печально посмотрѣла на него.

— А я, Сашенька, нынѣ пьянъ, совсѣмъ пьянъ, — говорилъ ей Корневъ, держась за косякъ и весело улыбаясь. — Вы меня извините, что я такъ поздно пришелъ и васъ потревожилъ... Я хотѣлъ-было въ окно влѣзть, да оно заперто.

— Зачѣмъ вы напились, Евгенийъ Александрычъ! — упрекнула Сашенька.

— Что, Сашенька, дѣлать! Скучно! Но я больше не буду, вотъ увидите.

Сашенька недовѣрчиво покачала головкой.

VII.

Нѣсколько дней послѣ этого Корневъ стыдился глядѣть въ глаза Сашенькѣ и Кузьмѣ Мосейчу, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться каждый день, и мужественно боролся со скукой.

«Что же это такое? — писалъ онъ въ дневникѣ: — ты, осуждавшій Дыхляева, самъ напился! Студентъ, «идейный» человѣкъ, пьеть со скуки! Стыдись, братъ! — Нѣтъ въ жизни хорошихъ впечатлѣнiй, живи внутренней жизнью, жизнью мысли, а не опускайся, не вязни въ болотѣ. Что-же это за твердость — не скажу убѣжденiй, а правилъ, — которая исчезаетъ при первомъ испытанiи? Нѣтъ, ты переломи себя, перетерпи, сохранись въ чистотѣ, тогда ты получишь право думать: «мои убѣжденiя тверды, не навѣяны». А то и всѣ воры честны, когда нечего украсть».

Онъ сталъ ходить на охоту, гулять въ лѣсу. Но ему было